

Медвѣдь и собака.

Жилъ себѣ мужикъ; у него была добрая собака, да какъ устарѣла — перестала и лаять и оберегать дворъ съ амбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ и прогналъ со двора. Собака ушла, въ лѣсъ

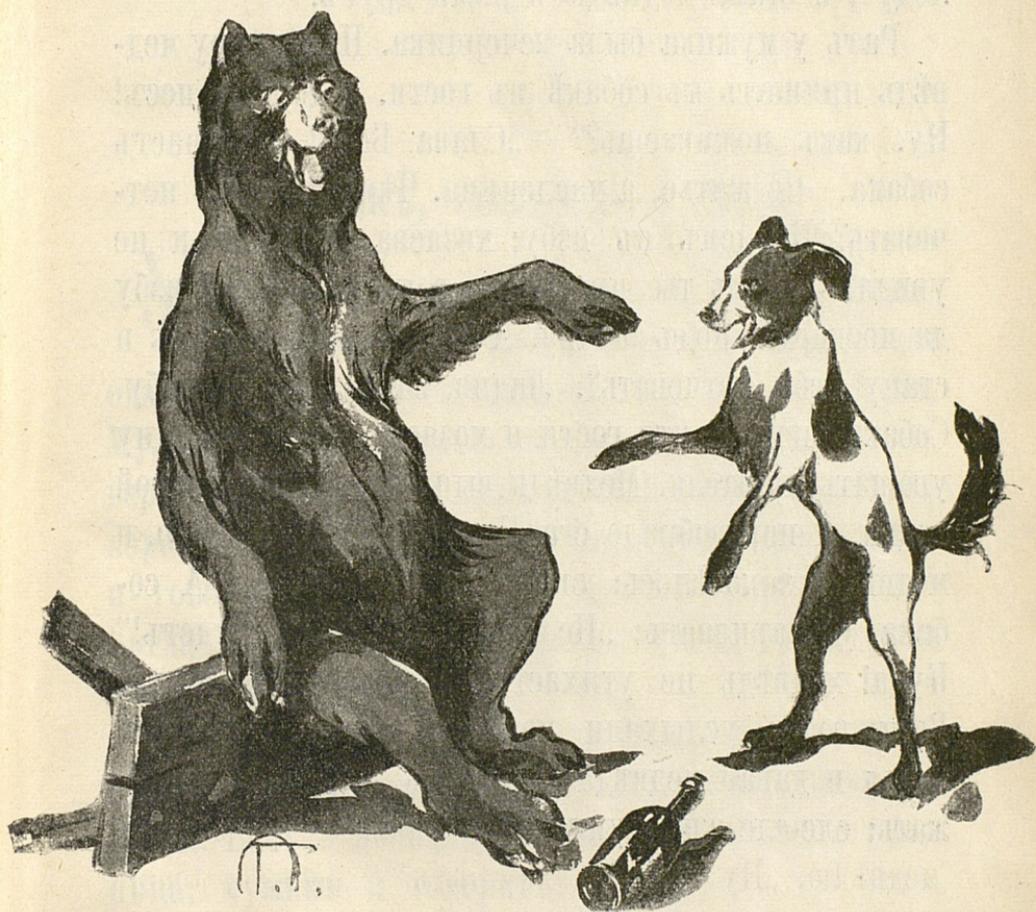
и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: „Что ты, песъ, улегся здѣсь?“—„Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь, нынѣ какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости — ну, и погонять со двора вонъ!“—„А что, песъ, хочется ѣсть?“—„Еще какъ хочется-то!“—„Ну, пойдемъ со мною: я тебя накормлю“.

Вотъ и пошли. Попадается имъ навстрѣчу жеребецъ. „Гляди на меня!—сказалъ медвѣдь собацѣ и сталъ лапами рвать землю.—Песъ, а песъ!“—„Ну, что?“—„Посмотри-ка, красны ли мои глаза?“—„Красны, медвѣдь“. Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. „Песъ, а песъ, что шерсть взъерошилась?“—„Взъерошилась, медвѣдь“. — „Песъ, а песъ! что, хвостъ поднялся?“—„Поднялся“. Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо, — жеребецъ упалъ наземь. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: „Ну, песъ! ѣшь, сколько угодно; а какъ приберешь все, приходи ко мнѣ“.

Живетъ себѣ песъ, ни о чемъ не тужить; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. „Ну что, братъ, съѣлъ?“—„Съѣлъ; теперь опять пришлось голодать“.—„Зачѣмъ голодать! знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?“—„Знаю“.—„Ну, пойдемъ; я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она за то станетъ тебя по-старому кормить хлѣбомъ“.

Вотъ ладно, побѣжалъ медвѣдь, подкрался и унесъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы

бросились за медвѣдемъ. Догоняли-догоняли, и не могли догнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужатъ. Вдругъ откуда нѣ взялся песъ, догналъ медвѣдя, отнялъ ребенка и несетъ его на-

задъ. „Смотрите, — говорятъ бабы, — старый-то песъ отнялъ ребенка!“ Побѣжали навстрѣчу. Мать ужъ такъ рада, такъ рада. „Теперь, — говоритъ, — я этого пса ни за что не покину“. Привела его домой, налила молочка, накрошила хлѣбца и дала ему: „на покушай!“ А мужику говоритъ: „Нѣтъ, муженекъ, нашего пса надо беречь да кормить: онъ моего ре-

бенка у медвѣдя отнялъ; а ты еще сказывалъ, что у него силы нѣтъ“.

Поправилась собака, отгѣлась. „Дай Богъ,—говорить,—здоровья медвѣдю: не даль помереть съ голоду“, и стала медвѣдю первый другъ.

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришелъ къ собакѣ въ гости. „Здорово, песъ! Ну, какъ поживаешь?“ — „Слава Богу!—отвѣчаетъ собака.—Не житее, а масленица. Чѣмъ же тебя потчевать? Пойдемъ въ избу; хозяева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подь печку. А я что добуду, тѣмъ и стану тебя потчевать“. Ладно, забрались въ избу. Собака видитъ, что гости и хозяева охмелѣли, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ-другой водки, и поразобрало его. Гости затанули пѣсню, и медвѣдю захотѣлось: сталъ свою заводить. А собака уговариваетъ: „Не пой, а то бѣда будетъ!“ Куда! медвѣдь не утихаетъ, а все громче поетъ. Вотъ гости услышали медвѣжій ревъ, похватили колья и давай медвѣдя бить. Онъ вырвался да бѣжать: еле-еле живъ ушелся.

